Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Эррико Малатеста
Анархизм и реформы
1 марта 1924

Pensiero e Volontà, год 1-й, №5

ru.anarchistlibraries.net

Анархизм и реформы

Эррико Малатеста

1 марта 1924

АНАРХИЗМ И РЕФОРМЫ

Коммунистический журнал «Prometeo», издающийся в Неаполе, в краткой рецензии, подписанной *а. б.*, на наш первый номер и, в частности, на статью Мерлино, появившуюся в нём, говорит с присущим им непониманием всех тех, кто полагает, что понимает всё и никогда не ошибается, что «несомненно существует категория анархистов-реформистов[1], хотя это наименование и кажется странным».

«Prometeo» полагает, что делает открытие.

Помимо дурной славы самого слова, которое было злоупотреблено и дискредитировано политиканами, анархизм всегда был и никогда не сможет быть ничем иным, как реформистским. Мы предпочитаем говорить «*реформаторский*», чтобы избежать любой возможной путаницы

[1] Реформа в итальянском имеет значение «улучшение», «изменение», то есть это не обязательно изменения, спускаемые государством. Поэтому, гораздо точнее было бы использовать слово «революционный поссибилизм», то есть стремление улучшать среду, добиваться возможных улучшений имея целью революцию.

с теми, кто официально себя называет «реформистами» и хочет мелкими и зачастую иллюзорными улучшениями сделать более терпимым нынешний режим и, следовательно, укрепить его, или кто добросовестно заблуждается, полагая, что можно устранить вопиющие социальные беды, признавая и уважая – на практике, если не в теории – фундаментальные политические и экономические институты, которые являются причиной и опорой этих бед. Но в конце концов речь всегда идёт о реформах, и существенное различие состоит в сущности реформы, которую хотят, и в способе, которым, как полагают, можно достичь *новой формы*, к которой стремятся.

Революция означает, в историческом смысле слова, радикальную реформу институтов, завоёванную быстро посредством насильственного восстания народа против установленной власти и привилегий; и мы революционеры и сторонники восстания, потому что хотим не улучшить нынешние институты, а полностью их разрушить, упразднив всякое господство человека над человеком и всякий паразитизм на человеческом труде; потому что хотим сделать это как можно скорее и потому что убеждены, что институты, рождённые из насилия, поддерживаются насилием и не уступят ничему, кроме достаточного насилия.

Но революцию нельзя совершить, когда захочется. Должны ли мы бездействовать, ожидая, что времена созреют сами собой?

И даже после победоносного восстания сможем ли мы вдруг, сразу, осуществить все наши желания и перейти как по волшебству из правительственного и капиталистического ада в рай либертарного коммунизма, который есть полная свобода индивида в добровольной солидарности интересов с другими людьми?

Это иллюзии, которые могут укорениться среди авторитариев, рассматривающих массу как грубую материю,

которой тот, кто обладает властью, может силой декретов и с помощью ружей и наручников придать желаемый отпечаток.

Но они не имеют влияния среди анархистов. Нам нужно согласие людей, и поэтому мы должны убеждать пропагандой и примером, должны просвещать и стараться изменять среду так, чтобы просвещение могло достигать всё большего числа людей.

Всё постепенно в истории, как и в природе. Как плотина уступает вдруг (то есть очень быстро, но всегда обусловленная временем) либо потому, что вода накапливалась до тех пор, пока её давление не превысило оказываемое ей сопротивление, либо из-за прогрессирующего разложения молекул, составляющих её материал, так и революции вспыхивают из-за роста сил, стремящихся к социальным преобразованиям, до точки, достаточной для свержения существующего правительства, и из-за возрастающего ослабления, по внутренним причинам, консервативных сил.

Мы реформаторы сегодня, поскольку стараемся, насколько возможно, создать наиболее благоприятные условия и наиболее сознательных людей в как можно большем количестве, чтобы успешно провести народное восстание; мы будем реформаторами завтра, после победоносного восстания и завоёванной свободы, поскольку будем стараться всеми средствами, которые допускает свобода, то есть пропагандой, примером, сопротивлением, даже насильственным, против всякого, кто захотел бы подавить нашу свободу, – стараться, говорю я, завоевать для наших идей всё большее число приверженцев.

Но мы никогда не признаем – и в этом наш «реформизм» отличается от некой «революционности», которая отправляется топиться в избирательных урнах Муссолини или кого-либо ещё, – никогда не признаем [господствующие] учреждения, будем брать или завоёвывать возмож-

ные реформы с тем духом, с каким постепенно отвоёвывают у врага занятую территорию, чтобы продвигаться всё дальше вперёд, и всегда останемся врагами любого правительства, будь то нынешнее монархическое, будь то республиканское или большевистское – завтрашнего дня.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА.